

Николай Петрович Вагнер

Блинное царство

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Николай Петрович Вагнер

Блинное царство (Сказки Кота-Мурлыки)

«Жил-был блин – рассыпчатый, крупитчатый, поджаренный, подпеченный.

Родился он на сковороде, на самом пылу.

Масло на сковороде кипело, шипело, прыгало, брызгало во все стороны...»

Николай Петрович Вагнер
Блинное царство
(Масленичная сказка)

Жил-был блин – рассыпчатый, крупитчатый, поджаренный, подпеченный.

Родился он на сковороде, на самом пылу.

Масло на сковороде кипело, шипело, прыгало, брызгало во все стороны.

– То-то раздолье!.. А ты что – глупая сковорода?! Сковворrrrrрода!.. Ее жарят, а она лежит себе, не шелохнется... Чумичка, чернавка противная!

– Ну! – сказала сковорода. – Коли не было бы меня, чумички, так тебе не на чем бы было прыгать. Но погоди! Погоди!.. Вот на тебя тесто положат.

– Не смеют!..

Но оно только успело выговорить: «Не сме...», как вдруг: шлеп! И на него вывалили целую большую ложку кислого, прекислого теста...

Батюшки! Как оно обозлилось! Закричало, заворчало, забрызгало.

– Куда лезешь, кислятина!!!

Но кислятина преспокойно расползлась по всей сковороде, как будто ни в чем не бывало.

– Вот видишь! – сказала сковорода. – Я на огне, ты на мне, а тесто на тебе!

Но масло ее не слушало. Оно кричало, ворчало.

– Прочь, прочь, глупый блин... Сейчас тебя снимут, снимут! Прочь, прочь, прочь!

– Как бы не сняли, – сказала сковорода, – видишь, какое скорое, да не спорое.

Но действительно, подошли, подсунули ножик под блин и подняли его.

– Что, что, что, что?! – закричало, обрадовавшись, масло. Но не успело оно хорошенько расчтокаться, как вдруг – шлеп!.. Тот же блин, да другой беленькой сторонкой, так-таки, прямехонько, на самую серединку...

Ну, тут уж масло совсем обозлилось, просто вышло из себя и все в блин ушло. Уж оно там кипятилось, ярилось, возилось, инда весь блин горой вздуло и стал весь блин комом.

– Ну, – сказала кухарка Матрешка, – первый блин всегда комом.

Взяла она его, раба Божьего, со сковороды, без всякой церемонии, просто руками – и прямо в рот... Туда ему и дорога! Не долго жил, мало нагрешил.

Испекла Матрешка другой блин, да на таракана наступила.

– Наше место свято! Пожалуй, подавятся господа, будет мне беда!

Скорехонько со сковороды стащила – и прямо в рот... Туда ему и дорога!

Испекла третий блин, да кошка Машка, блудница-канашка, за сетками на стол вскочила.

– Брысь, подлая!

Стала ее выгонять, хлестать... глядь! А блин совсем сгорел, черней угля стал... Скорехонько со сковороды стащила – и прямо в рот... Туда ему и дорога!

Испекла четвертый блин, да кум Матвей пришел. Юлил, лебезил, всяки мины подводил. Болтал, болтал, лясы да балясы распускал. Ушел... глядь! А на сковородке один уголь пригорел.

– Ах, чтобы ему прямо со сковородки, да поперек глотки!.. Чистила, чистила, насилу уголь отодрала.

Пятый блин стала печь – оказалась в масленке течь... Туда, сюда.

– Батюшки! Матушки! Все масло на плиту

убежит... Давно, поди, надо масленку переменить, да на огонь-то не ставить. Вишь треснула, поганая!..

Перелила наконец маслице в кастрюлечку. Все ладнехонько обрядила, только пятый блин спалила.

– Ах ты!.. Непутный! Чтоб тебя огнем спалило.

Однако все-таки остатки в рот упрятала... Туда им и дорога.

Шестой блин испекла, наконец, как быть должно!.. Больно уж хорош вышел! Пухлый, румяный, крупитчатый, рассыпчатый, что твой кум Матвей... Не утерпела, пятый горький блин им заела. Туда ему и дорога!

Седьмой блин вышел еще лучше.

– Эх, что, мол, эта и за кухарка Матрешка. Молодец баба блины печь!

И в награждение без хлопот, прямо его в рот. Туда ему и дорога!..

Пекла, пекла, пекла – индо живот вспучило. Глядь, поглядь! Хвать, похвать! А в чашке-то уж дно видно.

– Ах ты пакость!.. Гля-кось: все тесто спалила!.. Оказия!.. Нешто побежать к соседям – те-

стица попросить.

Платочком накрылась, чашечку захвати-
ла. Побегла. Просила, просила... нигде не да-
ют.

– Ах вы непутящие! А пуще всего Стешка...
У! че-ерт баба!..

Сцепились, бранились, ругались, расплева-
лись, разошлись. Как быть должно!

Пришла назад. Тошнехонько! Платочка с
головы не сняла – в кабак побегла. Две косуш-
ки пропустила, от сердца отлегло. Развеселая
такая домой пришла, песню петь зачала.

*Уж как кум куму до крайности
любил,
Для кумы он во Китай-город схо-
дил...*

Сидит, поет и ухом не ведет. Море по коле-
но. Приходят господа.

– Что, Матрешка, где блины?

А Матрешка:

*Он купил куме китаечки,
Положил куму на лавочку...*

Стали Матрешку бранить, ругать, пьяни-

цей называть.

– Да нешто, говорит, сегодня не маслена?.. И в маслену-то отдыха нет... Господи! Жисть-то горемычная!..– и разревелась.

Разумеется, обозлились, затопали, закричали и вон Матрешку прогнали. Туда ей и дорога!..

Это присказка, не сказка, погоди сказка будет впереди.

Жил был Царь-Блин с Царицей-Масленицей. Царь был жирный, Царица – масленая. И ели они целый день и целый год и каждый год блины. Вместо чаю утром блины, завтракали блинами, обедали блинами, ужинали блинами, спали на блинах и покрывались блинами.

Как только встанут, умоются, Богу помолются – так несут, тащат им слуги верные блинов, блинов, блинов – красных, белых, пшеничных, гречневых, кислых, пресных, сдобных, молочных, татарских, бухарских, монгольских.

Сидят друг против дружки Царь с Царицей и все едят, едят, едят – едят и улыбаются, друг на дружку любуются. А масло так и течет у

них по губам.

– Ах, – говорит Царь-Блин, – если б ты, Царица-Красавица, стала бы вдруг блином?

– Ну, так что ж? – спрашивает Царица.

– А так бы взял бы тебя, да и съел.

Царица улыбнулась, и у нее на глазах масло выступило.

– Ну, а потом что?

– Потом ничего! Нашел бы другую царицу и тоже бы съел.

Царица оттолкнула от себя блин и поморщилась.

– Какой он горький да пресный, – сказала она.

– А это оттого, – сказал Царь, – что кухарка Марфушка не умеет печь блины. Надо другую кухарку искать. Позвать, – говорит, – сюда кухарку Марфушку.

И только успел сказать, – побежали, показили, понеслись слуги, спешники, приспешники, скороходы, скоролеты, к ногам крыльшки для скорости привязаны, – катят, летят, сломя голову.

Прикатили, прилетели, схватили кухарку Марфушку – и как была замасленная, засален-

ная – сейчас, сию минуточку фьютъ!.. Представили перед жирные очи Царя-Блина.

– Какой ты нам блин подала, такая, сякая, эдакая! – допрашивает строго-настрого Царь-Блин Марфушку. – У матушки Царицы во рту горько стало...

Кухарка Марфушка бух Царю в ноги.

– Взмилуйся, Царь-Осударь! Не прикажи голову рубить. Вели правду говорить.

– Говори! – повелел Царь-Блин.

– Масла нет!.. Вот что, – говорит Марфушка. – Известно дело. Коли ежели без масла, то тут всякий блин пригорит, загорчится... Опять и масло не так чтобы... Горьковато маленько.

Разгневался Царь не на шутку.

– Позвать, – кричит, – сырника-масляника!..

И как только сказал, сейчас побежали, полетели, понеслись спешники, вершники, скороходы, скоролеты, к ножкам для скорости крылышки привязаны. Летят, спешат, схватили сырника-масляника, представили перед Царя-Блина.

Упал сырник-масляник на коленки.

– Как ты смеешь, такой разэтакой, к нашему Царскому столу прогорклое масло отпустить?..

– Не виновен, Царь-Осударь. Для твоего Царского Величества угождал, масло сберегал... В прежни времена, надо так сказать, везли молоко без счету – и все царским молочком питались... Делали из него, делали и сыры, и масло, и даже дома строили, и все как сыр в масле катались... А ноне не то... Не то время пришло. Ноне везде разоренье, плохи времена пришли. Не отпускает коровник молока, да и на поди!..

– Как!.. Как!.. Как он смеет! – разгневался Царь-Блин. – Позвать мне его сейчас сюда!..

И не успел сказать, как сейчас же побежали, полетели, понеслись вершники, приспешники, скороходы, скоролеты, для скорости к ножкам крылышки привязаны-Схватили, спалили... тащат, ведут коровника Мартына Лысого... Представили...

Бух Мартын Лысый прямо Царю в ноги...

– Батюшка, Царь-Осударь. Прикажи слово молвить... Не те ноне времена!.. Вот что!.. Прежде гоняй коровушек куда хошь... Ты их и

в Дунькин клин, и на Степанов луг, и в Харламовы межи, и в Матренину плешку... А ноне нет... Ни! ни! никуда не пуцают... Всюду сейчас к мировому – и штраф, потому что ноне Закон!.. И опять совсем нет ноне лугов. Вот что!.. Никаких нет лугов...

– Как нет лугов!.. Что ж смотрит сам земляник-коренник. Позвать, – говорит, – ко мне самого земляника-коренника!

И сейчас опять бегут, летят вершники, приспешники, скороходы, скоролеты, ищут везде земляника-коренника. Ищут по долам, по лугам, по закутам; спешат, ищут по полям, по лесам, по овинам, гумнам. В силу, в силу нашли... На печи лежит, тряпицу сосет... Схватили, притащили.

Бух Царю в ноги.

– Говори, такой разэтакой, отчего нет лугов?

– Лугов-те!.. Да, нету-ти!..

– Как нету!.. Коли нет, так ты насей травы, и будут луга... А то ты только на печи лежишь и тряпку сосешь...

– Ладно, – говорит земляник. – Для че не засеять, засеять можно!..

– То-то можно! А то ты до сих пор, болван, не догадался.

– Н-нет, – говорит земляник и теребит изо всех сил у себя в затылке. – Я домекал... Во как домекал!.. Да землицы-то нетути! Вот оно што!.. Землица-то вся по пустырям пошла... Ишь ты клином сошлась... Землица-то!.. Право слово, Осударь!

– Как землицы нет! – вскричал Царь-Блин и в ужасе вскочил со своего трона, который весь был из самых отборных сахарных блинчиков.

– Как землицы нет! – обратился он к своим князьям, боярам и думным дьякам.

На колени пали князья, бояре и думные дьяки, поклонились до земли.

– Нет, – говорят, – землицы. Нет ее, матушки! Царь-Осударь, ваше блинное величество.

– Как же вы от меня до сих пор скрывали это?

– Да нешто они скажут! – говорит укоризненно, земляник-коренник. – Они все скроют...

– Врешь ты! Врешь, сиволапо земляно чучело! – закричал на него Лысый Мартын. – Я

прямо батюшке Царю доложил, что лугов, мол, мало, что лугов совсем нет...

– Эка, доложил! – перебивает его сырник-масляник. – Доложите вы! Маслицем помажете, сметанны крысы! Я батюшке Осударю так-таки прямо представил: нет, мол, молочка, батюшка Осударь, молочко подобралось все.

Но тут кухарка Марфушка впуталась, вступилась.

– Ах вы, брехуны, толоконники! – накинулась она на сырника и коровника. – Да нешто не на меня батюшка Царь осерчал, разве не мне, горемычной, довелось батюшке Царю горьчавый блинок поднести... Ах, чтоб вам на масленой всем бы подавиться первым блином!.. Черти!..

– Да чего ж ты раньше молчала! – накинулся на нее коровник.

– Ты, сметанник, что молчал?! У тебя где язык-то бесстыжий был?! Разве это мое, кухарское, дело батюшку царя беспокоить: об масле ему докладывать!..

– А ты нешто масла не жрешь?! Тебе отпустят пуд, а ты его на Сенной продашь... Вы,

небось, с молочником и молоко, и масло все травите... В вас, точно в озеро... Вали! вали!..

Но тут уж коровник и кухарка накинулись на него оба. Одна визжит, другой гудит. Ругались, ругались, расплевались.

А князья, бояре и думные дьяки было их разнимать принялись, да сами разодрались. Начали друг дружку корить, попрекать, слово за слово, шире да дальше, да как припустят.

– Стой! Смирно! – крикнул Царь-Блин, и все в ту же минуту наземь повалились, Царю в ножки поклонились. – Сказывайте вы все, такие разэтакие, куда наша земля девалась?!

Все на коленях стоят, пришипилась, молчат.

– Эй ты, земляник-коренник! Говори: куда наша земля девалась?

А земляник-коренник в уголочке стоял, чтобы, значит, боярам драться не мешать.

Подошел он к Царю, для порядку спину почесал, поклонился низехонько.

– Башкирам, – говорит, – батюшка Царь, всю землю роздали! Вот что!

– Как башкирам, каким башкирам!!

Но тут князь Шугай живо подскочил, Царю

В ножки ударился.

– Врет он! Врет беспутный! Не верь ему, ба-
тюшка Царь. Никто твоей земли не разда-
вал... Сама она вся раздалась. Горой ее вспу-
чило, болотами размучило – и вся располз-
лась... Прямо к башкирам. А башкиры народ
жаднуций. Все сожрет, слопает, и всего ему
мало!

– Ишь ты, ловкий какой! – говорит земля-
ник. – Каки-таки чудеса расписывать? А-яй!..
Лов-ко-й!!

Помолчал, подумал Царь-Блин.

– Ладно! – говорит. – Мы поглядим, куда на-
ша земля девалась. К каким таким башкирам
пошла?.. Эй! Позвать сюда нашего первого
банщика-истопника.

И только успел вымолвить, как сейчас ско-
роходы, скоролеты, для скорости к ножкам
крылышки подвязаны... Бегут, летят – тащат
банщика-истопника.

Весь красный, раскрасный явился бан-
щик-истопник, бух Царю в ноги.

– Вот, – говорит Царь, – земли у нас нет и
масла нет, а без масла нельзя жить... Погля-
ди-ко кругом: из кого масло топить?!

Поглядел кругом истопник, а очи у него, как у ястреба, так и сверкают.

А бояре ни живы ни мертвы стоят, трясутся – как смерть бледны, и у всех от страха масло выступило. У того весь кафтан замаслился; у другого из-за пазухи течет.

– Да из всех можно! – говорит истопник. – Потопить, так и потечет.

– Ну, так возьми ты их всех и топи на здоровье!.. Эй! Стражники-охранники, – кричит, – бери всех масляников, тащи к истопнику. На масло топить, башкирские земли вытапливать!..

Батюшки-светы! Какой гвалт поднялся. Все на коленках ползают, кричат, вопят, убиваются.

– Царь-Осударь, – говорят, – батюшка грозный, не прикажи топить! Сейчас тебе всю землю отдадим.

И принялись все бояре распоясываться, раскошеливаться. Руки со страху трясутся. Расстегнулись, распахнулись: у кого из пазухи клин выпал, у другого поле, у третьего усадьба, у четвертого полоса, у пятого лугов пятьсот десятин, у шестого лесу гибель... Вот

так башкиры!.. Насыпали земли – страсть!

– Ай да батюшка, Царь-Осударь! – говорит земляник. – Исполать тебе! Дошлый ты! Дай Бог те добра здоровья.

И начал всю землю подбирать, в луга обращать.

– Ай да, батюшка Осударь! – кричит Лысый Мартын. – Теперь есть где коровушек пущать. Есть где им пастись, гулять.

Масленик тоже что-то хотел сказать, но не успел. Кухарка Марфушка выскочила вперед, давай плясать и припевать:

*Ах! Масляна, Масляна!
Вышло все напраслина.
Вся земля теперь нашлась,
Маслом, медом полилась.*

*Ай блины, блины, блины!
Нам на радость вы даны!
Слава батюшке царю!
Ему свет и привет,
Чтобы жить ему сто лет!*

И все князья, бояре затянули Царю-Блину славу и такой шум подняли, что даже матушка Царица проснулась.

– Гли-кость! – говорит. – Как задремала, инда вся в блины ушла! И вся как есть в масле. На-кость! Хоть выжми!!

А у батюшки Царя от радости все лицо маслом покрылось.

– Эй вы, – кричит, – слуги мои верные! Вот вам царский сказ-наказ. Катите, тащите сюда бочки меду крепкого, пива мартовского, батюшку ерофеюшку горького и матушку сивушку развеселую.

И только что успел сказать – прибежали кравчие, виночерпии, катят-тащат бочки, красоули.

Принялись слуги верные пить. Пили, пили, пили. Все перепились. Попьют, попьют – спать завалятся. Поспят, поспят – пить начнут. И сами уж не могут разобрать, на что и куда валяются? где небо, где земля?

И все переплелись, перепутались. Князь Шугай, обнявшись, с башкиром спят. Масленик с Лысым Мартыном. Сам Царь-Блин обхватил земляника, а Царица-Масленица у кухарки Марфушки головой на коленях лежит.

И такой это храп, и соп, и стон во всех палатах стоит, что даже царские чертоги от хра-

па трясутся: батюшки, кричат, сокрушимся!

И не только в царских чертогах, но по всей земле храп и свист идут; так что вся земля стоном стонет.

И вдруг «Бум!» по всей земле разнеслось.

Все бояре, князья, стольники, воеводы, у которых уши не совсем мохом заросли, вскочили, глядят друг на дружку.

– Батюшки! Что такое, али головы полопались? Никак пушка выпалила.

И опять: бум!..

Инда батюшка Царь-Блин с земляником проснулись, глядят, протирают глаза, таращат на всех.

– Бум! Бум! Бум!..

И Царица-Масленица с Марфушкой проснулись, загалдели, заговорили все.

– Что за чудо такое? Пушки у нас давно не чищены стоят, все, чай, насквозь совсем прожавели. А пушкари, чай, давно на валу пьяны лежат!.. А тут!.. На-кось! Палят!..

– С крепости ребята палят, – говорит масленник. – Айдайте побежим в крепость?

Вскочили, побегли. Ноги на бегу заплетаются, из угла в угол словно волной сшибает.

Не успели на царское крыльцо выскочить, зазвучала, загремела труба по всему царству. И выезжают на широкий царский двор витязи и воины, brave, удалые. А промеж их царский глашатай, весь в белом, в серебре, словно месяц блестит. Белы знамена над ним веют-развеваются. На одном знамени золотом вышито стоит: «Труд», а на другом стоит: «Правда».

Проиграли, прогремели трубы кованы. Развернул глашатай длинную-предлинную грамоту вестовую. Читает:

«Мы, Царь-Труд и Царица-Правда, соседи Царя-Блина и Царицы-Масленицы, много терпим от такого соседства. Подданные наши близко жить не могут: такой чад и смрад из блинного царства тянет, что всем глаза повыело. Прогорклое масло, как река, течет и всю нашу землю испортило. А от сивушного чаду у нашего батюшки Царя каждый день голова словно с угару болит. В силу чего мы признали за благо: объявить Царю-Блину, чтобы он отъезжал подальше от наших краев, в тартары, в земли пустопорожние: туда, где спят, храпят, жрут, едят, с боку на бок перевалива-

ются, со стороны на сторону перекатываются. А сроку ему, Царю-Блину, даем мы для сего ровно три дня и три ночи. А после сего на него войной пойдём и все его чадное, пьяное царство в свою казну возьмем!»

И кончил глашатай: снял со своей руки рукавицу железную. А в это время сам Царь-Блин впопыхах на крыльцо выскочил. И швырнул глашатай рукавицу железную. Прямо в пузо Царю-Блину угодила она. Ударила и сшибла Царя-Блина с развеселых ног.

Уехал глашатай. Шум, гвалт великий по всей земле поднялся.

– Батюшки! Сватьяюшки! – кричат. – Родители! Кормильцы-заступники! Защитники!.. Вот так страсть!!

И с этой самой страсти, с перепугу со всеми трясовица приключилась. Бьет, трясет, зуб на зуб не попадает...

– Блинков бы!.. Блинков!..– кричат. – Бл... бы... бы... бы... брр...

– Сивушки бы! Си... си... си... в...вва... ва!

– Огурец бы... Огурчик! Солёный!..

– Смирно! – кричит Царь-Блин. – Стройся! Сомкнись!.. Пойдем дружно! Не посралим

блины родимые!.. Грудью встанем!..

– Живво-том!.. Жживотом! Батюшка Царь-Осударь!.. Жи... во... во... ммм!

– Позвать сюда всех вождей-ироев моих! – приказывает Царь-Блин.

И только успел вымолвить Царь-Государь, как все вершники, приспешники, скороходы, скоролеты хотят бежать, лететь... да силушки нет. Толкутся, толкутся на одном месте, трясутся, дрожат, а с места сняться не могут.

– Бей в билы!.. Братцы!..– кричат... – Ббей... в бби-лы, в нашу голову!

А никто ни с места. У всех поджилки трясутся.

Не струсил один земляник-коренник, пошел с перевалкой, в затылке чешет, спину дерет... Пришел, ударил в билы, созвал ироев-воевод.

Пришли, приползли с разных мест ироев-воеводы. У кого щеку разнесло, кого салом расперло, кого просто раздуло.

– Эй вы! Герои, воины храбрые! – говорит Царь-Блин. – Защищайте, отечество спасайте, Царь-Труд на нас войной идет; со света Божьего гонит...

Но не успел еще кончить свою речь Царь-Блин, как ирои-воеводы повалились и захрапели.

– Что за чудо такое?! – думает Царь-Блин. – Не успел рта разинуть, а они уж спят! На по-ди!..

– А это их с блинов, батюшка Царь-Осударь, – говорит земляник. – С блинов-то они, знаешь ты, сморились, вишь они, ирои, раздуло их горою... Так долго им стоять-то и неповадно... Валяются, как чурки!

– Что же мы будем делать!! – возопил Царь-Блин и схватил себя за голову.

– Как-никак, – говорит земляник, – надо по-искать пойти – войско устроить, муницию припасти... Все обрядить, обладить...

Махнул рукой Царь Блин: иди, мол, спасай отечество.

Пошел земляник по всему царству; ходил, ходил, все войско собирал. Нет как нет. Один пушкарь на валу спит подле пушки, из которой недавно палил.

Растолкал его земляник.

– Где, – говорит, – брат-земляк, войско наше?

– Войско!.. Какое войско?..– Чесал, чесал брат-земляк шею и спину, – нет, – говорит, – тебе никакого войска... все вышло...

– Как вышло! Шут те дери!

– А так же! Все на блины извели. Один я остался, у пушки сижу.

Поглядел, поглядел на него земляник, в затылке почесал.

– Врет, чай, поди, собачий сын! – думает.

И пошел он опять искать войско по всему царству. Искал, искал и день, и два, и три. Куда ни придет, все только одни блины лежат. Зашел в инфантерию – блины. Зашел в кавалерию – блины. Зашел в артиллерию – блины! В царско войско зашел... везде одни блины лежат.

– Тьфу! инда тошно стало!.. Эх! Чтоб вас... Пойти нешто, батюшке-Царю доложить.

Но не успел он до царских палат дойти, как поднялся шум и гвалт, визг и стон, дым и чад пошел коромыслом со всего блинного царства и словно страшная труба грянула.

Глянул земляник вдаль и видит: грядет-идет сила несметная. Идут стройно рядами, идут, поют, трубят, в трубы кованы игра-

ЮТ:

*Царь Труд идет,
Царь Труд идет,
Всем мир несет,
Свободу и правду святу!..*

..

И так хороша была песня, что земляник стоял, стоял, все слушал и совсем заслушался.

И не заметил он, как исчезли и чад и дым, исчезли блины и все блинное царство словно сквозь землю провалилось, а царство Труда водворилось кругом.

Очнулся, оглянулся: глядь, поглядь!.. Перед ним стоит лошадка, ржет – сытая, резвая, веселая.

Впряжена лошадка в крепкий новенький плуг.

Перекрестился земляник, к плужку кинулся, за поручни ухватился, пошел пахать-орать, инда земля под плугом взыграла от радости:

– Слава тебе, Господи!..